

УДК 811.512.145

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХ АНТРОПОНИМОВ

© 2013 г.

*Г.Х. Зиннатуллина*Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А.Н. Туполева

www.gulshatzin@bk.ru

Поступила в редакцию 24.09.2012

Рассматриваются особенности употребления литературных антропонимов в произведениях татарской художественной литературы. Исследуются вариативные, синонимические и антонимические формы имен художественных персонажей.

Ключевые слова: литературные антропонимы, стилистические особенности, художественный текст.

Форма, звуковой состав, структура антропонимов, использованных в произведениях художественной литературы, совпадают с традиционными моделями антропонимов реальной действительности. Но в то же время литературные имена имеют свои особенности, ведь кроме наименования персонажей, в силу своей «фонетической, семантической и морфологической мотивированности» [1, с. 43] они и характеризуют их. Это – наиважнейшая роль, которую выполняют личные имена в художественном тексте. В связи с указанным необходимо отметить факт стилистической мотивированности литературных имен. Как отмечал М.В. Горбаневский, фамилии, имена, наименования должны использоваться стилистически правильно и четко, соответствовать поставленной цели и общему духу произведений; должны привносить в текст определенный колорит, а иногда и отдельный смысл [2, с. 120].

Предметом нашего исследования послужили имена собственные, использованные в произведениях классиков татарской литературы М. Амира, А. Еники и Ф. Хусни [3–6]. В ходе исследования было установлено, что стилистические особенности употребления литературных антропонимов проявляются в вариативных, синонимических и антонимических формах имен персонажей.

Варианты литературных имен. Н.В. Подольская дает следующее определение понятию «вариант имени»: «Вариант имени – видоизменение имени или любого элемента его структуры (фонемы, морфемы, лексемы) в различных языковых ситуациях» [7, с. 43]. В рассматриваемых художественных текстах были выявлены следующие способы возникновения вариантов личных имен:

1) опущение первого компонента сложных имен: *Тимер* (от Биктимер), *Рәхим* (от

Габделрәхим), *Хәдичә* (от Бибихәдичә) [«Страницы прошлого»], *Гәрәй* (от Бәхетгәрәй) [«Гайна сердца»];

2) опущение второго компонента в сложных именах: *Сылу* (от Сылубикә), *Сәлим* (от Сәлимжан), *Хисмәт* (от Хисмәтулла) [«Пробуждение»], *Сәхәп* (Сәхәбетдин), *Сәет* (от Сәетгали) [«Страницы прошлого»];

3) стяжение слогов (редукция каких-то элементов) и присоединение аффиксов –ый/-и: *Гарәфи* (Гарәфетдин), *Сатмый* (Гапсатгар) [«Пробуждение»], *Сираҗи* (от Сираҗетдин) [«Страницы прошлого»], *Сафый* (от Сафиулла) [«Медный колокольчик»], *Галәви* (от Галәветдин) [«Красота»], *Мулый* (от Муллахмәт), *Әхми* (от Әхмәдулла) [«Мальчик и солдат»], *Хәйри* (от Хәйретдин) [«Лампа»], *Фәрди* (от Фәрдетдин) [«Кто-то приходит, кто-то уходит»];

4) фонетическое уподобление прозвищам: *Гыйбаши* (Габидулла), *Әси* (Әсадулла), *Идюк* (Идиятулла) [«Страницы прошлого»], *Ибруш* (Ибрай) [«Пробуждение»], *Әткәли* (Габделрәхим) [«Курай»], *Хәммәтша* (Мөхәммәтша) [«Тридцатый год»], *Хәйбүш* (Хәйбулла) [«Тромбон и девушка»], *Гашүк* (Гашия), *Сәйтүш* (Сәйфулла) [«Чистая душа»]. В таких вариантах имен ощущается пренебрежение, подшучивание над человеком со стороны окружающих. Кроме того, иногда автор намеренно параллельно использует имя персонажа и его вариант с явным экспрессивным оттенком. При помощи такого приема авторы могут выразить и свое субъективное отношение к тому или иному герою. И.А. Маринина называет подобный авторский прием «пульсацией номинаций» и отмечает следующее: «Такая смена номинаций фиксирует смену авторской позиции и становится особо значимой – характеризующей – на фоне константных именованных других действующих лиц в тексте повествователя» [8, с. 10];

5) опущение начального звука имени, характерное для Западного диалекта татарского языка. Примечательно, что подобные варианты имен были зафиксированы лишь в одном исследуемом произведении – повести А. Еники «Вөждан» («Совість»). Это объясняется тем, что действующие лица повести – представители вышеназванного диалекта. Ср.: *Абдул* (Габдулла), *Ариф* (Гариф), *Алиябану* (Галиябану), *Алим* (Галим).

6) присоединение суффиксов с уменьшительно-ласкательной семантикой: *Сәхибәттәй* (Сәхибә) [«Черная кошка»], *Фатыймәттәй* (Фатыйма) [«Кто-то приходит, кто-то уходит»], *Шәмсияттәй* (Шәмсия), *Мәүләкәй* (Мәүли) [«Тридцатый год»]. Представленные примеры имеют наиболее яркую эмоциональную окраску. В них четко прослеживается теплое, положительное отношение окружающих к именуемому лицу. Подобные варианты имен характерны для речи персонажей, действующих в сельской местности. Кроме того, выделяется интересный факт: все представленные примеры этой подгруппы фигурируют лишь в произведениях Ф. Хусни.

Антропонимическая синонимия в художественных текстах. Как отмечают исследователи в этой области, синонимия личных имен основывается на близости сигнификативных значений или же на общности референта (называемого лица) [5, с. 83]. На этой же основе синонимию литературных имен можно рассмотреть в двух ракурсах: 1. Синонимия, основанная на общности денотатов. 2. Синонимия, основанная на близости сигнификативных значений личных имен.

1. Антропонимы-синонимы, возникшие на базе общего денотата. Речь идет о различной форме именованного персонажа в одном произведении. Выбор варианта диктуется хронотопом произведений, т. е. все зависит от стиля общения (официальный или неофициальный), социального происхождения героев и места их жительства (сельская местность или город) и т. д. Выявлены следующие случаи такой синонимии:

а) параллельное употребление моделей «имя+фамилия+отчество» и «имя+отчество»: *Зөфәр Мөбәрәкович Сабитов* – *Зөфәр Мөбәрәкович*: «Менә шушы була инде минем брат – *Зөфәр Мөбәрәкович Сабитов!*» – «Сезне дә шулай ук, *Зөфәр Мөбәрәкович!* – диде директор, кулын биреп...» [«Марево»]; *Баширцев Петр Тихонович* шәһәрдәге генә түгел, бөтен кантон күләмдәге яшьләр арасында исеме телдән төшми торган данлыклы егет иде» – «Ниһаять, *Петр Тихонович* аның белән сабуллашып, үз юлына китте...» [«Чистая душа»];

б) «имя+отчество» и «фамилия»: *Вилдан Гыйльманович* – *Әхмәтҗанов*: «*Вилдан Гыйльманович* ... рөхсәт итегез, сезгә янадан зур рәхмәт белдерергә, ләкин миңа уйларга кирәк». – «Сез беспартийный бит әле? – диде *Әхмәтҗанов*, кинәт кенә *Зөфәрнең* сүзен бүлөп» [«Марево»];

в) «имя+фамилия» и «имя»: *Нәҗип Аитов* – *Нәҗип*: «1940нчы елның язында *Нәҗип Аитов Мәскәүдән* Бауман институтын бетереп кайтты». – «*Нәҗип* урыныннан торды, без күрештек» [«Тайна сердца»]; *Гомәр Зәйнуллин* – *Гомәр*: «Дәүләкәндә минем тагын бер якин дустым – *Гомәр Зәйнуллин*». – «Кайткан саен мин иң элек *Гомәргә* барам...» [«Страницы прошлого»];

г) «имя+апеллятив» и «имя+отчество (или фамилия)»: *Гайса карт* – *Гайса Мухаметович*: «*Гайса карт*, табуреткасын тартып, өстәлгә якынрак килде». – «Мария Николаевна, бу мин, *Гайса Мухаметович*, – диде карт» [«Марево»]; *Идият абзый* – *Идият Байгузин*: «*Идият абзый* мондый кисәтүләргә ишеткәндә жилкәсен кашыды, тамагын кырды...» – «Наҗия туташ *Идият Байгузин* дигән кешенең бердәнбер кызы икән» [«Болотный цветок»];

д) «апеллятив+фамилия» и «фамилия»: *майор Симаков* – *Симаков*: «Шундый төркемнәрнең берсендә ул дистәләргә кулларның майор Симаковны мәтәлдәрәп чөеләрен күрәп алды». – «Берәү дә аңа каршы чыкмады, хәтта Симаков та, чыраен сытып, телен тешләргә мәҗбүр булды» [«Марево»]; *иптәш Андреев* – *Андреев*: «Иптәш Андреев, сез кайда идегез, нишләп сез Мостафинның меңанлык сазлыгына батуын күрмәдегез..?» – «Ә менә Камышлыда ни өчендер укымышлы Андреевны артыграк күрделәр» [«Болотный цветок»];

е) «имя» и «имя+отчество»: *Хәбибрахман* – *Хәбиб Гатаулович*: «Мин аларның иң олысы Габдрахман абзый белән иң кечесе *Хәбибрахманны* яхшы беләм». – «...бөтенесе аңа түбәнчелек белән «*Хәбиб Гатаулович*» дип кенә торалар» [«Страницы прошлого»]; *Гасыйм* – *Гасыйм Сәләхович*: «Менә *Гасыймның* үз атасы, мәрхүм, кыска саплы каш чыбыркысын ишек янагындагына элөп тотта иде». – «Бу хәл, билгеле, *Гасыйм Сәләховичны* борчый, кәефен боза, куркытып та куя иде» [«Умиротворение»];

ж) «имя+фамилия» и «имя+апеллятив»: *Шәриф Сүнчәләй* – *Шәриф җәзници*: «Тарихта күбрәк *Шәриф Сүнчәләй* исеме белән билгеле шәхес». – «Минем исә күнеләмдә тирәнрәк сакланганы – *Шәриф җәзницинең* саф кешелек сыйфатлары» [«Страницы прошлого»];

з) «имя+апеллятив» и «имя»: *Лэйлэ туташ – Лэйлэ*: «...дэртлэнep, рухланып *Лэйлэ туташны* чын-чынлап яратып китте» – «Эмма *Лэйлэне* күргэч, бу тырыша-тырыша үзен котыртып йөрүлэр кинэт жимерелде дә куйды» [«Ночная капель»].

Кроме того, синонимия личных имен, основанная на общности денотата, проявляется в случае, когда персонаж называется, именуется представителями других национальностей. Другими словами, речь идет о русском варианте произношения татарских имен. Данное явление имеет место лишь в таких текстах, где события разворачиваются в более широком масштабе и зачастую в городской местности. Очевидно, что в татарской среде такое именование не может иметь места. Использование подобных синонимов отличается роман М. Амира «Саф күңел» («Чистая душа»). Объясняется это тем, что в произведении изображается совместная жизнь эвакуированных москвичей (во время Отечественной войны) и татар – жителей города Ялантау. Например, Галина Сергеевна, квартирантка главной героини Сании Ибрагимовой, называет татарских женщин следующим образом: *Соня, Сонечка* (Сания), *Гашенка* (Гашия), *Розочка* (Роза). Во всех приведенных примерах уменьшительно-ласкательные аффиксы. Это, в свою очередь, является дополнительной характеристикой самой Галины Сергеевны, свидетельствующей о ее природной мягкости и открытости. Сама Гашия же так представляется Галине Сергеевне: «*Гашия* исемле мин. Урыслар *Галя* дип тә йөртәләр» (Я – Гашия, но русские называют меня и Галей). То есть в данном случае наблюдается «двойная» синонимия в именовании персонажа: Гашия – Галя – Гашенка. Как уже было отмечено выше, последний вариант более насыщен в эмоционально-экспрессивном плане. Одни из главных героев романа *Рифкат* Гафуров и *Шакир* Мухсинов, вдали от своих родных мест именуется как *Родя* и *Саша* (своими сверстниками в военном училище).

Гашия – один из самых ярких и неоднозначных образов романа. Именно поэтому варианты ее имени, которые непосредственно связаны с субъективной оценкой других персонажей произведения, вызывают особый интерес. Кроме русских вариантов произношения ее имени, в тексте выделяется еще один яркий эпизод, связанный с особенностями субъективного восприятия человека и его имени. Особенно запоминаются слова ее мужа Хайруллы: «Һэй, тискәре! – диде Хайрулла шунда. Тискәре булмасаң, синең исемен дә Гашия булмас иде, Гайшә булыр иде. Тискәрегә әйләндерелгән Гайшә бит син!» (Ох, упрямая! – сказал тогда Хайрулла. Если бы ты не

была такой упрямой, тебя бы звали Гайша, а не Гашия. Ты ведь Гайша, перевернутая Гайша!). Приведенный отрывок свидетельствует о следующем. Во-первых, мужем героини два разных женских имени Гайша (араб. «живая, энергичная») и Гашия (араб. «вечер») не воспринимаются как разные; для него второе – это только один из вариантов первого имени. Во-вторых, появление этого второго варианта у него ассоциируется с каким-то незакономерным, нерядовым фактом. Поэтому, чтобы подчеркнуть ее поведение, характер, традиционно не свойственный татарским женщинам и женам (неподчинение, упрямость, красноречие), он интерпретирует и ее имя.

Синонимические варианты имени, также связанные с произношением имени героя представителями другой национальности, отмечены и в рассказе Ф. Хусни «Минем кыз саклау тарихыннан» («Из моей истории оберегания девушки»). В эпизоде, где подчеркивается популярность главной героини Милеуши среди своих сверстников, среди которых много и русских парней и девушек, автор использует такое сравнение: «Русы булса Миля дип, татары Миләүшә дип исемен тәсбих урынына тарталар» (Русские, называя ее Милей, татары – Миляушой, не переставали упоминать ее всюду).

2. При рассмотрении синонимии, основанной на близости сигнификативных значений имен, речь идет о литературных именах, значения которых близки или абсолютно идентичны. Причем такие имена использованы одним автором в разных (редко – в одном) произведениях. К данным синонимам относятся: Арслан и Хәйдәр [«Страницы прошлого»], которые в переводе с арабского означают «победитель, добивающийся цели»; Наил [«Воспоминания гуляндам»] и Ибәт [«Страницы прошлого»], означающие (араб.) «подарок, заслуживающий подарка»; также имеющие арабское происхождение мужские имена Кәрам [«Родная земля»] и Кәрим [«Воспоминания Гуляндам»] – «щедрый»; имена Котлыгәрәй [«Страницы прошлого»] и Бәхетгәрәй [«Тайна сердца»], первые компоненты которых относятся к древнетюркскому и арабскому языку, означающие «стремящийся к счастью»; женские имена Зөһрә [«Тайна сердца»] (араб.) и Чулпан [«Пробуждение»] (тюрк.), которые по-разному называют планету Венеру; женские имена Гамбәр (араб.) [«Марев»] и Жәфәр (тюрк.) [«Страницы прошлого»], означающие «аромат, благоухание»; женские антропонимы Камәр [«Воспоминания Гуляндам»] и Маһи [«Страницы прошлого»], в переводе с арабского означающие «луна, месяц» и др.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что антропонимическая синонимия – не-

редкое явление в художественной литературе. Использование в текстах имен, имеющих близкое до-антропонимическое значение, объясняется стремлением авторов избежать тавтологии, а вместе с тем свидетельствует о желании авторов показать своим читателям все многообразие ономастикона татарского народа. В антропонимических синонимах проявляется менталитет, своеобразие восприятия действительности разных народов, прослеживаются их тесные культурные контакты.

Исследование особенностей функционирования имен собственных в тексте позволило выявить и антонимический аспект их употребления. Необходимо отметить, что антонимия литературных антропонимов проявляется не в области их сигнификативных значений, а является одним из ярких стилистических приемов, который зачастую служит раскрытию идеи произведения. Например, в «Страницах прошлого» А. Еники подробно описывается факт смены имени одного из героев. На первый взгляд, это один из маловажных эпизодов произведения. Однако при более глубоком анализе проявляются некоторые важные идеологические моменты. Простой деревенский парень для улучшения своего финансового благополучия женится на дочери богатого купца. Он покидает свою малую родину, оставляет в одиночестве престарелую мать. Но этим он не ограничивается – решает поменять свое имя и фамилию. В результате *Мухран* «превращается» в *Мирона*. А фамилию герой заимствует у своего тестя – *Меделанский*. Таким образом, новые имя и фамилия персонажа становятся символом новой жизни героя. Другими словами, имя персонажа воспринимается им как неотъемлемый атрибут его мироощущения, его образа жизни. В корне поменяв свою жизнь, отрекшись от своего народа, быта и обычаев, он отрекается и от своего имени – важнейшей составляющей всего перечисленного. Такие действия героя вызывают бурю эмоций среди односельчан Мухрана–Мирона. А для его матери это превращается в душевную муку. Будучи мастером психологизма, А. Еники показывает, что подобные «катаклизмы» являются первым шагом в разрушении духовной гармонии в душе отдельного человека и общества в целом.

Подобный же эпизод занимает центральное место в повести М. Амира «Пар күгәрчен» («Пара голубков»). Произведение написано в духе социалистического реализма. Однако и здесь антропонимы выполняют ярко выраженную идеологическую функцию. Произведение построено на противопоставлении старой (дореволюционной) и новой (постреволюционной) жизни. Одним из ярких приемов раскрытия конфликта нового и старого в повести являются именно антропонимы. Начиная новую, «всеце-

ло» коммунистическую жизнь, главный герой произведения первым делом меняет свое имя и имя своей невесты. В результате *Камалетдин* и *Шарифа* становятся *Ревалом* и *Лирочкой*. Если Камалетдин и Шарифа – представители дореволюционного общества, то Ревал и Лирочка – символические образы, олицетворяющие новые, социалистические устои. В целях утверждения и закрепления коммунистического духа своей жены, которая все еще с надеждой оглядывалась на безвозвратно ушедшее прошлое, Ревал решает «достойно» назвать и своих детей, как подобает представителям первого поколения нового строя. Секретарь же комсомольского совета села представляет новую интерпретацию «старого» звучания имен младенцев – *Мухамметсалима* и *Бибисалимы*. В итоге дети остаются при своих прежних именах, однако опускаются первые компоненты их имен (Мухаммет и Биби), а вторые компоненты – Салим и Салима, в переводе с арабского означающие «здоровый», приобретают новое разъяснение значения. Оказывается, «Салим и Салима олицетворяют понятие *советский ленинский молодежь* (курсив наш. – Г.З.). Вот тебе и новое советское имя. И произносить легко...». По нашему мнению, основная цель этого эпизода – стремление автора показать всю бессмысленность, абсурд идеологии изображаемого периода. Абсолютно очевидно, что в тот период писатель не мог открыто выразить своего негативного отношения ко всему происходящему в обществе. Именно поэтому он намеренно останавливается на таком «пустом, пустяковом деле», как выбор имени человеку (по мнению героев произведения), и уделяет этому особое внимание, изображая этот процесс в мельчайших деталях.

Антонимия антропонимов, касающаяся также идеологического аспекта, присутствует в рассказе Ф. Хусни «Бер ана балалары» («Дети одной матери»). В произведении показано, как теряются духовные, человеческие ценности ради построения карьеры, достойного положения в обществе. Один из главных героев произведения Рифкат Кутлыбаев, забыв о долге перед больной матерью, одной вырастившей его в суровые военные годы, оставляет все финансовые и бытовые проблемы своей сестре и уезжает из деревни в Москву. Он заботится только о своем личном благополучии. И снова у героя, поменявшего свой образ жизни, появляется необходимость в изменении своего прежнего имени. Об этом свидетельствуют следующие слова самого героя: «Аннан, бэлки, чем черт не шутит, ... Күллетүбә авылының Песнэк Харис малае *Рифгат Кутлыбаев* профессор *Баев* булып йөри башлар» (А потом, может быть, чем черт не шутит, ...сын Синицы Хариса *Рифкат Кутлыбаев* из деревни

Куллетубы станет профессором *Баевым*). Таким образом, и в данном случае имя является неотъемлемой частью мироощущения героя: изменение взглядов, образа жизни влечет и желание поменять свое прежнее имя, которое связывало его с прошлым, с близкими и даже самим с собой. Поэтому антропонимы *Рифкат Кутлыбаев* и модель «апеллятив+усеченная форма имени» – *профессор Баев* – в рамках художественного текста являются антонимами. Противоположны они в плане олицетворения противостояния в душе героя: первое из них символизирует прежнего героя (простого татарского парня из деревни), а второе призвано выделить высокий статус и меру известности «нового» героя. Кроме того, и в данном примере ощущается негативное, осуждающее отношение писателя к подобным явлениям. Ведь поменяв только имя, невозможно поменять целый мир и свое прошлое. Чувство любви к родине, безмерная благодарность тем, кто тебя вырастил и чувство гордости своим происхождением, своей историей должны быть незыблемыми для каждого человека.

Еще один интересный момент проявления антонимии в использовании личных имен наблюдается в рассказе Ф. Хусни «Хыянэтче» («Предатель»). В данном случае антонимия используется не в идеологическом, а в оценочном плане (выражает отношение героев произведения). Когда один из персонажей рассказа говорит о своем отношении к героине Альмие (чувашская девушка), подчеркивая ее привлекательность, он употребляет такое противопоставление: «Элмиянең үз Чабаксарында янә берме, икеме шундый *Усманы* яки *Володясы* бардыр эле» (В своих Чебоксарах у Альмии наверняка есть один или два таких же *Усмана* или *Володи*). Таким образом, в данном случае мы сталкиваемся с антонимическим употреблением личных имен *Усман* и *Володя*, которые выражают противопоставление двух разных культур – чувашской (русской) и татарской.

Своеобразное употребление имен персонажей в антонимическом ракурсе имеет место и еще в одном произведении Ф. Хусни – романе «Утызынчы ел» («Тридцатый год»). Речь идет об осознанном изменении героем своей фамилии. Простой деревенский парень, получив образование, окончив курсы политграмотности и заняв должность секретаря волостного комитета компартии, приходит к выводу, что его фамилия *Исмәгыйлев* слишком уж проста и не соответствует духу времени и его статусу. В результате он меняет ее на вариант *Измайлов*. Отношение же его сверстников, да и самого автора к такой «перемене» в сознании героя заключено в следующем отрывке: «Фамилияне синеке кебек жилле итеп үзгәртеп булмады, малай. Артта калдым бу

мәсьәләдә. Тәки шулай кырып та, юнып та игә китереп булмый торган кәләпушле татар булып калырмындыр, ахры» (Да, парень, а я вот не смог так ветренно изменить свою фамилию. Я здорово отстал в этом вопросе. Так, наверное, и останусь татариним в тубетейке, которого нельзя ни отмыть, ни изменить). В данном случае в очень экспрессивной форме, с элементами сатиры, противопоставляются сущность человека и вымышленный им самим пафосный мир. Этим эпизодом автор показывает, что стремление к показной современности, пренебрежение своими национальными корнями не смогут дать человеку душевный покой и не помогут завоевать уважение окружающих. Изображение сложного психологического противостояния внутреннего и внешнего мира героя осуществлено посредством антонимизации фамилий – *Исмәгыйлев* – *Измайлов*.

Дальнейшее рассмотрение особенностей употребления и функционирования личных имен в художественных текстах показало, что самые распространенные стилистические функции антропонимов реализуются через компаративные конструкции, повторы и антономазию. Можно отметить и использование типов антропонимов для создания иронического подтекста.

Основной целью такого стилистического приема, как повтор антропонимов, является усиление эмоциональности повествования. Так, неоднократное повторение имени героини призвано показать всю полноту чувств Халила Ишмаева [«Ночная капель»] – и боль утраты, и сожаление о потерянной любви, и осознание невозможности изменить настоящее. Все это внезапно возникает в душе героя, когда он узнает о ее возвращении в родной город: «Ләйлә кайткан ...Ләйлә кайткан... Ләйлә, Ләйлә!» «Ләйлә!.. Ләйлә бәгырем, бәгырькәем!.. Кичер мине, ташлама мине, Ләйлә! Ләйләм!». Сожаление и глубокая скорбь в душе старика Лукмана [«Глядя на горы»] по поводу безвременной кончины молодой невестки также передаются повтором антропонима: «Һай, Зәйтүнә, Зәйтүнә! Оялчан, сөйкемле кыз бала, сабыр, итагатыле яшь килен». Вера в силу любви и гордость героини проявляются в следующих строках повести А. Еники: «Минем эле горуруланьп яшәрлек, мәңге сүнмәс юанычым бар. Салих!.. Мине лә сөйгән Салих югалмаган минем өчен, юк, югалмады!.. [«Воспоминания Гуляндам»].

Скрытая ирония автора также проявляется через особенность употребления личных имен. Например, сочетание имени с аффиксом принадлежности второго лица единственного числа позволяет автору намекнуть на беспомощность героя,

подчеркнуть факт его полной зависимости от своей жены. В эпизоде, где герой, казалось бы, окончательно решил покончить со своей робостью и признаться в своих чувствах бывшей возлюбленной Лейле, писатель «напоминает» своему герою о суровой жене, которая контролирует не только дела, но и мысли своего мужа. Ср.: «Көт, профессор, көт, бэхетеннэн каршыңа ...Мэрвәрен килеп чыкмасын!» [«Ночная капель»]. Такая форма имени героини используется автором для акцентирования главных ее качеств (жесткость, властность, игнорирование права человека на личное мнение).

Скрытая ироническая составляющая содержится и в особом «подборе» имени и фамилии персонажа, и в его акцентированном употреблении в определенном контексте. Например, чтобы показать противостояние вековых национальных традиций и мировоззрения нового поколения, в повести «Эйтелмәгән васыять» («Невысказанное завещание»), автор подробно воссоздает картину «торжественной» передачи плети (символа силы и независимости башкирского народа) в руки внука, который ничего не знает и не хочет знать об истории своего рода. Это человек, лишенный внутренней гордости и национального самосознания. Ср.: «Мә, улым, Гена, ал бабаңнан калган чуклы камчыны... Белеп тот, Шаяхметовлар кулында йөргән камчы булыр бу!.. һәм Гена Шаяхметов баш кагып, елмаеп кына (курсив наш.– Г.З.) өч жәпле камчыны кулына алды» (Держи, Гена, сынок, плеть, оставшуюся от деда. Знай – это плеть, которую держали Шаяхметовы!.. И Гена Шаяхметов, кивнув с улыбкой, взял плеть в руки). Как видно из приведенного отрывка, здесь одновременно встречаются ложный пафос и безразличие представителей разного поколения. Авторская же позиция заключается в осуждении среднего звена (отца Гены), которое не смогло передать молодому поколению национальных, духовных ценностей, которое тем самым воспитало безликое, серое поколение, потерявшее свои корни.

В повести А. Еники «Йөрәк сере» («Тайна сердца») было выявлено использование явления антономасии. Как известно, явление переноса имени по сходству известно под термином «антономасия». И.Р. Гальперин определяет этим термином «один из частых случаев метонимии, в основе которой лежит упоминание места, где произошло какое-либо событие, или само событие, или лицо, известное каким-нибудь поступком, деятельностью, или сам поступок, деятельность» [10, с. 135]. А.А. Потемня же определил сущность этого явления как «замену собственного имени по родовому признаку или нарицатель-

ного имени другим, собственным» [11, с. 226]. Определение первого автора ближе к современному пониманию этого явления в ономастике. Оно включает в себя не только перенос имени известной всем личности на другое лицо с целью установления определенных аналогий. Оно подразумевает и характеристику предметов, явлений, ситуаций, лиц, которые имели место, оставили яркий след в истории или в литературе. В современной ономастике пользуются определением Н.В. Подольской, согласно которому, антономасия (антономазия) – метафорическое применение имени собственного для обозначения лица, наделенного свойствами широко известного по литературе или истории носителя этого имени. [7, с. 31].

В вышеуказанном примере манера поведения, холодная рассудительность Наджипа сравниваются с Карениным Л.Толстого, однако при этом подчеркивается жалкое, неуместное подражание героя общеизвестному персонажу. «Каян бу кадәр тәкәббер корылык, салкын эдәпләлек, бәхәссез өстенлек аңарда? Каренин булыр бу, Каренин. Бәләкәй, өтек, кызганыч Каренин!» (Откуда в нем эта гордая сухость, холодная благовоспитанность, неоспоримое превосходство? Каренин он, несомненно, Каренин! Маленький, ничтожный, жалкий Каренин!).

Анализ стилистических особенностей употребления антропонимов в тексте позволил выявить еще один существенный момент. В произведениях меморативная (положительная) и пейоративная эмоциональность (выражение негативных оттенков, оскорбления, унижения) часто передается посредством имен собственных. Негативное или положительное восприятие, оценка героев реализуется в фонетической или же морфологической структуре (мотивации) личных имен. Другими словами, отношение к герою других персонажей произведения или же самого автора может выражаться в звуковом составе или внешней форме личного имени. По мнению В.Н. Михайлова, «звукообразование собственного имени может стать своеобразным лейтмотивом в звуковой организации произведения» [12, с. 10].

В анализируемых текстах положительная оценка героев может выражаться следующими средствами:

– употребление имен с аффиксами принадлежности первого лица единственного числа. Такое сочетание выражает любовь, особую теплоту в отношениях говорящего и тех, кого он называет подобным образом. Особенно часто такая конструкция встречается в речи супругов.

Ср.: «Ә мин бала-чага атасы, семья белән, Фәсәхәтем белән ару гына торабыз...» [«Из моей истории с девушкой»]. «...Минем бурыч сугыш турында язу яки сөйләү түгел, минем бурыч – Зөһрәм, минем сөйкемле һәм гомерлек ярым Зөһрәм турында язу» [«Кто-то приходит...»]. В речи родителей также встречается подобная конструкция (дополнительно употребляется и местоимение): «Аның сөтен минем Хатирәмә жибәрәләр»; «Зинһар өчен дип әйтәм, минем Миләүшәмә күз-колак була күреге!»

– употребление антропонимов с апеллятивами, имеющими аффиксы принадлежности второго лица множественного числа. Такое употребление собственных имен также популярно в татарском языке. Кроме выражения любви и теплоты говорящего к называемому, здесь прослеживается и стремление вызвать по отношению к называемому лицу уважение и со стороны окружающих. Ср.: «Оланнар, Әсмабикә әбигез, мәрхүмә, әйбәт кеше иде бит!» [«Старики»]; «Хупжамал түтәгез миңа караганда өлгеррәк булып чыккан» [«Тромбон и девушка»]; «Туктагыз, Имәли абзыгыз килә, аны да тыңлап карыйк» [«Агидель»];

– употреблением уменьшительно-ласкательных аффиксов, что также выражает особую любовь, теплоту в отношениях говорящего и называемого. Однако в приведенных примерах мы сталкиваемся с таким явлением, когда такую форму имен употребляют по отношению к представителям более старшего поколения. Ср.: «Күреп торам, сез – Фатыймәттәй жибәргән кеше» – диде каршында басып торучы яшь, мөлаем тавышлы ханым» [«Кто-то приходит...»]; «Вафин менә бу минутта әлеге шул Шәмсияттәй пешергән сөтле токмачка нык ымсынып, адынарнын ешайтканнан-ешайта бара иде» [«Тридцатый год»];

– употребление определенных апеллятивов, подчеркивающих одновременно теплое, но в то же время шутливое отношение говорящего: «Шуның аркасында минем ташбаш Рәшит ишегалдындагы малайлар арасында үзенә күрә бер корольгә әйләнеп калды» [«Плеть»]. Слово «ташбаш» («сорванец») употребляет рядом с именем мальчика его отец, когда хочет пожуричь сына;

– употребление апеллятивов-обращений, свидетельствующих об уважении, любви или благодарности говорящего. Причем такие обращения могут использоваться и в пре- и постпозиции по отношению к личному имени. Ср.: «Бик тәкатъсез калып жырлыһсың жырлавын да, кем,

Гөлзифа аппагым, шулай да...» [«Черная кошка»]; «Әйтсәм әйтим инде алайса, Касыйм жаным, бик тә басымчак итә башладылар соңгы вакытта» [«Тридцатый год»]; «Юк, Хәтирә акыллым, һаман хужыга бара» [«Рана сердца»]; «Рәхмәтне соңыннан ... өенә кереп әйтермен, Фәрди улым» [«Вечерняя молитва»].

Как видно из вышеизложенного, возможности стилистического использования антропонимов в текстах очень велики. Поэтические функции личных имен ярко проявляются в повторах, иронии, антономасии, пейоративных и мейоративных конструкциях. Это позволяет сделать вывод о том, что все указанные особенности употребления антропонимов играют наиважнейшую роль в создании социоэмоционального фона произведения, являются яркими примерами авторского мастерства. Кроме того, эмоционально-экспрессивная окрашенность антропонимов является оценочным средством при проявлении авторской позиции и отношения других персонажей к тому или иному герою.

Список литературы

1. Пузырев А.В. Виды мотивированности поэтических собственных имен // Лексика русского языка, Рязань, 1999. С.43–50.
2. Горбаневский М.В. В мире имен и названий. М.: Знание, 1985. 192 с.
3. Әмир М. Безнең авыл кешесе: повестьлар. Казан: Татар.кит.нәшр., 2007. 511 б.
4. Еники Ә. Әсәрләр, 5 томда. 1 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. 447 б.
5. Еники Ә. Әсәрләр, 5 томда. 2 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 447 б.
6. Хөсни Ф. Сайланма әсәрләр. Казан: Татарстан Республикасы «Хәтер» нәшрияты (ТаРИХ), 2002. 447 б.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической литературы. М.: Наука, 1988. 135 с.
8. Маринина И.А. Типология и функционирование номинаций персонажей в полифоническом повествовании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2003. 21 с.
9. Андреева Л.И. Семантика литературного антропонима // Русская ономастика. Рязань, 1995. С. 151–156.
10. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС Эдиториал, 2008. 144 с.
11. Потемкина А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.
12. Михайлов В.Н. Собственное имя как стилистическая категория в русской литературе. Луцк, 1988. 197 с.

STYLISTIC PECULIARITIES OF LITERARY ANTHROPNYMS

G.H. Zinnatullina

The article examines some peculiarities of the usage of literary anthroponyms in Tatar works of fiction, with the focus on divergent, synonymous and antonymous forms of literary characters' names.

Keywords: literary anthroponyms, stylistic peculiarities, literary text.